УДК 165:316.4

ИНДИГЕННОЕ ПОЗНАНИЕ В СПЕКУЛЯТИВНОМ ВЕКЕ

А. В. Голубинская, младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Института открытого образования ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (г. Нижний Новгород, Россия), golub@ioo.unn.ru

Описан опыт рассмотрения проблемы соотношения знания и предрассудка в современном обществе в рамках концепции спекулятивного века У. Бека. Автор полагает, что сегодня познавательная деятельность человека имеет общие черты с индигенным (предрациональным) познанием и что развитие данной аналогии позволяет выявить некоторые особенности в закономерностях формирования научного мировоззрения.

Ключевые слова: индигенное познание, индигенная эпистемология, спекулятивное общество, научное знание, паранаучное знание.

Классическая эпистемология характеризует ту эпоху, когда «право на истину», исключительное и суверенное, принадлежало науке. Сегодня сложно однозначно ответить на вопрос, кому принадлежит это право, и само понятие «право» здесь уже неуместно. Одна из попыток объяснить, почему такая позиция оказалась неверной, была предпринята У. Беком. Он полагает, что ложность культурных предпосылок приятия научных высказываний фиксируется тогда, когда реальные риски наукой не признаются, а следовательно, как бы не существуют. Разумеется, с тем, что не существует, по крайней мере «в правовом, медицинском, технологическом и социальном плане», не борются, этим не занимаются [1, с. 53–54].

Подобные «несуществующие» проблемы, растущие на обочине системы научных представлений или за ее пределами, отмечены во многих, если не во всех, сферах жизни общества. Причина кроется, естественно, не в слепоте теорий и практик, а в их страхе лишить равновесия эту систему, признав неспособность имеющихся знаний функционировать при вновь открывшихся обстоятельствах, или же в осознании того, что с новыми результатами впоследствии нужно что-то делать. П. Чёрчленд отмечает примеры указанной

реакции: на одной из конференций в процессе обсуждения материалов нейронаучных исследований, – очевидно, революционных результатов, – некий философ зарыдал со словами: «Я ненавижу мозг!» [4, с. 13].

Действительно, наука способна делать такие выводы, что ученому проще возненавидеть предмет исследований, чем пытаться его понять. Данный соблазн, разумеется, влечет за собой страшные последствия: научное знание перестает быть описанием действительности и становится искусственно поддерживаемой фантазией одной группы людей на тему механизмов мироздания. То, что формально «не существует», Бек называет «царством теней», однако в значении не платоновской «пещеры», а напротив, чего-то, что находится за пределами видимого мира. Бековские «тени» не признаются наукой, но существуют, в связи с чем становятся объектами методологии вненаучного знания, – и здесь появляются «экзорцисты».

«Экзорцист», в отличие от ученого, может позволить себе анализировать «невидимые опасности». Разумеется, эту концепцию нужно понимать аллегорически. Можно догадаться, что роль «экзорциста» сегодня исполняет масс-медиа. Причем речь идет не только о телевидении и прессе, но и о «неформальных» источниках вроде форумов и прочих онлайн-дискуссий. «Экзорцист» – это не один человек и не группа людей, объединенных наличием журналистского удостоверения или общей идеи, схожих жизненных ориентиров. Это информационный поток, который одновременно генерируют люди разных культур, профессий, возрастных категорий, убеждений. Зона влияния такой силы очень велика, и, вероятно, значительно превышает зону влияния научного знания на общественное сознание.

Сосредоточимся на понятии экзорциста в общем смысле. Очевидно, что миссия экзорциста заключается в борьбе с неким злом, с которым не способны справиться самостоятельно ни человек, ни предназначенные для этого государством структуры. (Обращение к экзорцисту следует за утверждением, что медицина не в силах помочь). Эта борьба происходит при помощи тайной и древней мудрости, – «заклинания», которого лишены институализированные

структуры, и в первую очередь именно связанные с научным знанием. Важно, что, с одной стороны, экзорцист понимает язык зла, но с другой – способен ясно изложить мысль простому человеку, жертве зла. Сама жертва, которую пытается спасти экзорцист, отмечает М. Фуко, выступает то на стороне экзорциста, пытаясь вернуть человечное человеческому, то на стороне зла, от власти которого полностью освободиться не просто [3, с. 256].

Аллегория Бека выразительна: источник альтернативных знаний, направленных на борьбу с неким злом, который используется человеком только в личных интересах, изъясняется непонятным языком и нов по отношению к тайному знанию. Именно экзорцист определяет, что является злом и как именно его нужно побороть, т. е. выступает посредником между злом и жертвой, прямо не взаимодействующими. Что же в данной аллегории представляет собой наука? Очевидно, как раз «темную силу», которая всегда предлагает что-то новое, выражается особым, неясным языком и цели которой непрозрачны обывателю.

Попробуем проиллюстрировать данное положение на конкретном примере. История спиритизма – одной из самых популярных паранаучных практик – развивалась скачкообразно. Первый пик массовой популярности в уже развитом обществе датируется концом 1860-х – началом 1870-х гг. в Америке. Затем возник интерес к П. Курран, которая в течение нескольких лет начиная с 1913 г. при помощи спиритической доски поддерживала связь с жившей почти триста лет назад англичанкой. И уже в 1940-е гг. появился экономический интерес: огромный спрос на спиритические доски породил практику их художественного оформления, превратил их в продукт массового потребления [2].

О чем говорят эти даты? На 1860-е гг. пришлась Гражданская война в США, на период П. Курран – Первая мировая война, на 1940-е – Вторая мировая война. Считается, что популярность случая П. Курран объясняется общей волной увлечения спиритуализмом. Однако на самом деле вся эта волна была связана со вполне конкретными этапами общественной жизни, когда

население, в первую очередь мужское, заметно сократилось, а оставшиеся в живых, преимущественно женщины, нуждались в рекреации и надежде, которые наука была не способна дать. В мирное время спиритизм действует по модели «экзорциста»: является источником древних альтернативных знаний, обвиняет ученых в узколобости по отношению к существованию иных миров и сокрытии этих знаний от общества (типичная риторика пара- и лженаук). Интересно, что научное сообщество, как правило, мало обеспокоено подобными обвинениями, понимая их несостоятельность. Тем не менее история показывает, что даже после революционных научных открытий предрассудки никуда не исчезают, а продолжают скапливаться в общественном сознании, – зло не борется с экзорцистами, это экзорцисты борются со злом.

На имеющемся примере можно пронаблюдать, как именно метод порождает новых «экзорцистов»: новые спиритические практики возникали с распространением радиоустройств и записывающих магнитофонов, видеокамер, телевидения. Даже в настоящее время далеко не каждый человек, не являющийся специалистом в нужной области, сможет внятно объяснить, чем отличается радиовещание от спиритического сеанса и почему первое существует, а второе нет.

У. Бек также отмечал, что наука обладает «…избыточной сложностью и многообразием данных, которые, если и не противоречат друг другу открыто, то и не дополняют друг друга, утверждая большей частью различное, часто несопоставимое». Научный язык становится все сложнее для обыденного сознания, что связано не с уровнем грамотности населения, а со специализацией знаний. Тезаурус отдельной области науки развивается самостоятельно, и работа с ним требует определенных навыков, поэтому обычный человек не способен самостоятельно определить, что есть «экзорцист», а что – зло.

То, что М. Фуко назвал «соматическим театром одержимости», в нашем случае выражается через язык: заклинание «экзорциста», или, в прямом смысле, тезаурус паранаучного знания, использует язык науки, но вместо объяснения

терминов одурачивает человека. Так принципы квантовой физики становятся понятным описанием связи с призраками. Можно говорить о «дискурсивном театре истинности», – наборе лексических позиций, необходимых для придания простому тексту силы «заклинания», т. е. научности.

Напрашивается вывод, что паранаука возникает как реакция на непонятное научное знание либо неудовлетворенную социальную потребность. Если во втором случае она безобидно выполняет восстановительную социальную функцию, то в первом, на наш взгляд, является источником риска.

Концепция индигенной эпистемологии проводит прямую линию между предрациональным познанием и познавательной деятельностью современного человека, опираясь на несколько исходных положений. Ключевое положение заключается в том, что с ростом научного знания картина окружающего мира не становится проще, а, напротив, постоянно усложняется и отрывается от обыденного сознания. Для индигена причинно-следственная логика окружающих явлений и событий не прозрачна: он допускает, что «вещи» ведут себя определенным образом по каким-то причинам, но эти причины не складываются в единую структуру. Система представлений индигенного сознания, с одной стороны, сопряжена с событиями и явлениями внешней среды, с другой – оторвана от ее онтологических характеристик.

Окружающая среда, например, первобытного человека мистифицирована: материя наделена духом, объекты находятся в иерархии, взаимодействуют друг с другом, сотрудничают и конфликтуют, тем самым влияя на человека и подчиняя его своим внутренним законам. Почему в первобытном сознании сложились такие представления? Многое из того, что увидено и встроено в повседневную жизнь индигена, еще не понято, не объяснено или объяснено иррационально, но не вызывает скепсиса. Здесь, вероятно, кроется разгадка: на ранних этапах культуры информация не подвергается критике, принимается как данное и не требует доказательств, как минимум, по той причине, что ни один человек не имел метода для опытной проверки одухотворенности материи, сопряженности природы и других окружавших его представлений.

Для современного человека, в отличие от первобытных предков, окружающий мир более рационализован, понятен и объяснен. Однако в действительности он тоже работает не с явлениями, а с объяснениями, значительная часть которых не подвергается опыту потому, что, с одной стороны, обыватель не всегда имеет «права опыта», т. е. допуск к производящей знания технической и социальной среде. Так, даже базовые знания об анатомии и физиологии человека принимаются на веру от учителей и учебников. С другой стороны, «опыт» в принципе не доступен, как это обстоит с исследованиями макро- и микромиров. Никто не оспаривает атом, но никто его не видел, и вся существующая на сегодня техника позволяет регистрировать присутствие атомов, опять же, в рамках породившей их теории. С этой точки зрения, человек первобытной культуры от современного мало чем отличается, – знания приходят от третьего лица и принимаются на веру.

Индигенное познание в обоих случаях характеризуется не только приматом веры над опытом, но и символичностью, коммунитарностью и интеллектуальным эклектизмом. Последнее означает, что знания сосуществуют наравне с квази-, псевдо-, контр- и паразнаниями в единых индивидуальных системах знаний. Расширение данной характеристики может привести к утрате понятия «научное мировоззрение», в то время как научный взгляд на часть явлений перестанет конфликтовать с предрассудками относительно другой их части в «пределах одной головы».

Вероятно, это уже начало происходить: в последние годы социально-философская интерпретация проблемы знания и предрассудка обращается к идее «общества постправды», или «эпохи постправды» [5], где истина как характеристика знания становится неважной и неактуальной. Постистинное знание не синонимично знанию неистинному. Разница, очевидно, кроется в том, что в условиях последнего поиск ответа на вопрос, как все устроено на самом деле, даже не начинается.

Иначе говоря, истинное описание действительности само по себе перестало быть целью информационного сообщения и познания, а познающий

волен на свой вкус наполнять «потребительскую корзину» знаний. Особенно остро это проявляется в условиях массовой информации, когда любая информационная «частица» порождает «античастицы»: информация опровергается, доказывается, снова опровергается, интерпретируется и переиначивается, и на каждом из этих шагов истина фрагментируется на правды, а те – на предрассудки. Такие цепочки рано или поздно приводят к вопросу: «А что, собственно, было знанием?», и за неимением компромисса место, предполагавшееся знанию, остается за мнением.

Сказанное позволяет сделать следующее заключение. Современное информационное общество представляет собой среду, крайне благоприятную для проявления ситуации, описанной в бековской аналогии «экзорцист – зло», притом именно научное знание занимает позицию «зла», т. е. непонятной и непостигаемой силы. Информационное общество, где истина оказывается фрагментированной на интерпретации и частные мнения, остро нуждается в создании своеобразного моста между обыденным сознанием и научным мировоззрением.

Понятно, что необходимо устранять причины распространения ненаучных идей, а не их симптомы. В таком ракурсе административное подавление паранаучных организаций и концепций становится опасным: в духе концепции спекулятивного общества они будут существовать не юридически, а в невидимых мирах, что только укрепит положение «экзорциста». Во избежание этого, прежде всего, наука должна взаимодействовать с обывателем без каких-либо посредников – находить зоны информационного взаимодействия с ясным тезаурусом и прозрачными целями, описывающими научные достижения. Рост научно-популяризаторской деятельности в последние годы стал одним из шагов на этом пути, но до сих пор остается инициативой обеспокоенных чужими судьбами ученых и научных журналистов. Однако программу развития популяризации научного знания нужно оставить на расстоянии от ловушек современной журналистики – громких заголовков, придания важности, наращивания «научности». Стоит

предположить, что просветительская деятельность, обратившись к эволюции научных открытий, должна обратить внимание и на историю «научных провалов». Вполне вероятно, что развитие науки связано не только со знанием уже сделанного, но и полным пониманием того, что сделано быть не может. Иными словами, знание истории лженауки могло бы укрепить научное мировоззрение и ослабить влияние предрассудков на обыденное сознание.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – Москва: Прогресс–Традиция, 2000. – 384 с.
2. *История* «говорящих» досок // Музей досок для спиритических сеансов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.museumoftalkingboards.com/history.html (Дата обращения: 05.02.2018).
3. *Фуко М.* Ненормальные / М. Фуко. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 432 с.
4. *Churchland P. S.* Touching a nerve: the Self As Brain / P. S. Churchland. – New York: W. W. Norton & Company, 2013. – 394 p.
5. *Mair J.* Post-truth anthropology / J. Mair // Anthropology Today. – 2017. – № 33. – P. 3–4.